Шан Цивэнь не была похожа на Чжоу Цяоцяо. Она вошла в семью Янь менее законным путем. Янь Е также был нерешительным. Она могла утвердить свой авторитет в семье Янь не из-за Янь Е, а из-за ребёнка в её животе.

Этот ребёнок представлял собой 15% акций, и никто не осмеливался причинить ей вред.

Услышав слова Янь Вэя, Шан Цивэнь почувствовала стыд и гнев одновременно. Она хотела возразить, но, увидев холодный взгляд Янь Е, промолчала.

Мао Цзинхуа знала, что из этой ситуации нет пути назад. Янь Вэй уже зарегистрировал свой брак, так была ли вообще возможность развода? Для их семьи развод не был проблемой, но проблема заключалась в характере Янь Вэя. Как только он женился, места для маневрирования не осталось.

Поэтому Мао Цзинхуа оставалось только усадить Янь Ифэя напротив них, и она внимательно наблюдала за Чжоу Цяоцяо.

Чжоу Цяоцяо была свидетельницей нескольких споров в семье Янь с тех пор, как она пришла, и она нашла это довольно захватывающим.

Увидев, что её свекровь наблюдает за ней, Чжоу Цяоцяо быстро выпрямилась, сидя с достоинством и вежливостью. Мао Цзинхуа мысленно кивнула. По крайней мере, Чжоу Цяоцяо выглядела очень чистой и освежающей. Мао Цзинхуа спросила Чжоу Цяоцяо: “Как вы с Сяо Вэй познакомились?”

Чжоу Цяоцяо начала с истории о том, как этот сын-идиот принёс растение в горшке в ночной клуб и даже сбросил его со второго этажа. Что более важно, так это то, что он даже не потрудился проверить, есть ли кто-нибудь внизу, и это ударило её по голове.

Говоря это, она опустила голову, чтобы показать Мао Цзинхуа свою зашитую голову, сказав: “Посмотрите, как меня ударили. Мне пришлось наложить так много швов”.

Хотя Мао Цзинхуа не понимала, почему этот вопрос привёл к Янь Е, она внимательно слушала. Ей было интересно, зачем Янь Е принёс растение в горшке в ночной клуб?

Янь Е пристыженно опустил голову, а затем Чжоу Цяоцяо упомянула, как Янь Е обещал ей компенсацию за инцидент. Она пошла собирать деньги, и Янь Вэй вмешался, описав ситуацию в ярких деталях.

Когда Мао Цзинхуа услышала, что Янь Вэй пригласил Чжоу Цяоцяо пообедать, или, скорее, использовал свою добрую волю, чтобы принудить её поесть, она посмотрела на Янь Вэя в шоке.

Янь Вэй почесал лицо и отвернул голову.

Янь Ифэй также выразил своё недоверие, сказав: “Мой сын действительно проявил инициативу пригласить тебя на ужин?”

Чжоу Цяоцяо кивнула и сказала: “Да! Сначала я не хотела идти, но он помог мне вернуть 500 000 юаней. С такой огромной добротой я почувствовала, что в его словах есть смысл, поэтому я должна угостить его едой”.

Янь Ифэй посмотрел недоверчиво и сказал: “Мой сын действительно знает, как угощать людей едой?”

Чжоу Цяоцяо стала несчастной и сказала: “Папа, почему вы так говорите? Вы что, не едите?”

Янь Ифэй поперхнулся, не из-за того, что она сказала, а потому, что она, так естественно, назвала его “папой”.

Кто дал ей право называть меня папой?

Мао Цзинхуа посмотрела на Чжоу Цяоцяо, не зная, что сказать, и, наконец, прервала то, что она собиралась сказать, и спросила её: “Цяоцяо, я понимаю этот вопрос, но как ты решила выйти замуж?”

Чжоу Цяоцяо рассмеялась и сказала: “Потому что Янь Вэй сделал мне предложение!”

Мао Цзинхуа: “…” Несмотря на то, что я знала ответ, мне всё ещё больно это слышать.

Янь Ифэй посмотрел на Янь Вэя и спросил: “Как долго вы знаете друг друга? И вы уже зарегистрировали свой брак?”

Янь Вэй улыбнулся и сказал: “Чжоу Цяоцяо довольно популярна. Если ты не сделаешь быстрый ход, кто-нибудь другой похитит её”.

“Вау! - воскликнул Янь Ифэй. - Кто-то осмелился соревноваться с тобой за девушку?”

Янь Вэй посмотрел на Янь Ифэя и сказал: “Почему бы и нет?”

Посмотрите на этого мужчину с детским лицом. Очевидно, его намерения были нечистыми! Руководитель службы безопасности ночного клуба, который завёл мою Цяоцяо в тупик, но у него всё ещё хватало наглости преследовать её?

В этот момент Янь Вэй никогда не задумывался о том, что виновником, который ударил Чжоу Цяоцяо и отправил её в больницу, был его собственный младший брат. Какое право он имел говорить о том, что охранник кого-то преследует?

Поскольку позиция Янь Вэя была твёрдой, никто не осмеливался провоцировать Чжоу Цяоцяо. Ужин был подан под тщательным контролем тёти Ван. Когда всё было готово, она подошла к Мао Цзинхуа и сказала: “Мадам, ужин готов. Вы и молодые мастера можете подойти прямо сейчас”.

Мао Цзинхуа кивнула, и они с Янь Ифэем подошли первыми, за ними последовали остальные.

Ужин был роскошным, и взгляд Чжоу Цяоцяо был прикован к аппетитным блюдам. Там были сосиски, начинённые ароматным жиром, молодые омары, говяжьи рёбрышки, густой суп с побегами бамбука и беби бок-чой, морские гребешки с серебряными прожилками и острые свиные котлеты. Конечно, были также освежающие блюда, такие как тёртый редис и салат из огурцов.

Блюда на столе были похожи на праздник цветов. Чжоу Цяоцяо, увидев, что Янь Вэй улыбается ей, покраснела, опустила голову и промолчала.

Янь Вэй потянул её сесть, и перед ней появилась тарелка с белым рисом, который тётя Ван аккуратно приготовила, вместе с палочками для еды и ложкой.

После того, как Мао Цзинхуа и Янь Ифэй приступили к еде, Янь Вэй взял палочками для еды кусочек колбасы и сказал Чжоу Цяоцяо: “Тебе это нравится, верно?”

Желание Чжоу Цяоцяо сохранить самообладание было полностью разрушено, поэтому она повернула палочки к сельдерею и взяла кусочек говяжьего рёбрышка для Янь Вэя, сказав: “Тебе тоже стоит попробовать это”.

Янь Вэй улыбнулся, а затем взял говяжье рёбрышко с палочек для еды Чжоу Цяоцяо.

Палочки для еды Мао Цзинхуа соскользнули со стола, показывая, насколько она была шокирована. Она с трепетом приняла новые палочки для еды, которые протянула ей тётя Ван. Она видела, как Янь Вэй съел говяжье рёбрышко, затем подал Чжоу Цяоцяо тарелку супа, и, наконец, взял тарелку себе.

Янь Вэй ел с удовольствием, но не забыл обслужить Чжоу Цяоцяо. Он знал, что она может стесняться пользоваться палочками для еды в первый раз, поэтому был очень внимателен.

Мао Цзинхуа медленно отложила палочки для еды и внезапно встала, сказав: “Вы все продолжайте есть. Я пойду в туалет”.

Увидев поспешно уходящую Мао Цзинхуа, Чжоу Цяоцяо с любопытством посмотрела ей в спину, а затем повернулась к Янь Вэй и прошептала: “Неужели мы бесстыдно прогнали её?”

Янь Вэй: “…” Это ты бесстыдница.

Чжоу Цяоцяо на мгновение задумалась и спросила: “Может быть, это потому, что мы не подавали ей блюда? Но мы используем наши собственные палочки для еды, как мы можем подавать ей блюда? И мы даже не видели общих палочек для еды!”

Янь Вэй: “…” В моей семье всё по-другому.

Чжоу Цяоцяо вздохнула и сказала: “Я думаю, твоя мама, должно быть, злится на меня”.

Сидевшая через стол Шан Цивэнь, увидев, что Мао Цзинхуа не проявила уважения к Чжоу Цяоцяо, почувствовала злорадство: О боже, теперь мы можем считать себя сестрами.

Во время дня рождения Янь Е, когда Янь Ифэй решил публично объявить об их браке и беременности, Мао Цзинхуа не согласилась.

Она была не согласна до такой степени, что ушла в дом своих родителей во время банкета по случаю дня рождения, чтобы показать своё несогласие. Она поставила Шан Цивэнь в неловкое положение.

Теперь, видя, что Чжоу Цяоцяо получает такое же обращение, она почувствовала себя намного лучше.

Кто бы мог знать, что сразу после окончания ужина Мао Цзинхуа вышла. Её глаза были слегка опухшими, волосы убраны, и у неё был несколько отсутствующий, но энергичный вид.

Она увидела Чжоу Цяоцяо, сидящую на диване и поедающую дыню, и на её лице появилась нежная улыбка. Чжоу Цяоцяо задрожала, когда Мао Цзинхуа подошла, взяла её за руку и сказала: “Ты хороший ребенок. Янь Вэю повезло, что ты можешь терпеть его. У меня не было времени ничего приготовить, но этот браслет подарила мне твоя бабушка. Теперь я дарю его тебе. Считай это подарком от семьи Янь. Храни его как следует”.

Сказав это, она сразу надела браслет на руку Чжоу Цяоцяо.

Чжоу Цяоцяо была захвачена врасплох и обнаружила на своей руке тёплый и чистый браслет из зелёного нефрита. Она поколебалась и сказала: “Это Янь Вэй терпел меня. Он хороший человек. Это…”

“Это хорошо”, - прервала её слова Мао Цзинхуа, похлопав её по руке, и сказала: “Если он может быть с тобой, это его удача, а также удача семьи Янь. Это браслет для жены семьи Янь. Ты законная миссис Янь. Ты должна носить этот браслет".

“Ха?” Чжоу Цяоцяо посмотрела на браслет. Значит, браслет действительно передаётся по наследству невесткам?

Услышав слова Мао Цзинхуа, Шан Цивэнь, стоявшая напротив, в гневе швырнула кожуру дыни на землю.

Янь Вэй протянул руку и взял Чжоу Цяоцяо за руку, и она, наконец, почувствовала себя непринужденно. Она коснулась браслета, ощутив его приятную текстуру.

Она мягко согласилась, и Мао Цзинхуа вздохнула, сказав: “Не смотри, что Янь Вэй вырос в семье Янь. У него тоже были трудные времена. Вы двое должны дорожить друг другом”.

Чжоу Цяоцяо снова мягко согласилась, и Мао Цзинхуа похлопала её по руке и замолчала.

Янь Ифэй сел на диван, скрестив ноги, и сказал: “Разве Янь Вэй просто не съел ещё несколько кусочков? Посмотри, какой счастливой это делает тебя”.

Мао Цзинхуа пристально посмотрела на него, а Янь Ифэй что-то пробормотал и промолчал.

На самом деле, Шан Цивэнь тоже не очень ясно высказывалась по этому поводу. Дела Янь Вэя всегда держались в секрете. Она знала только, что он был способным и у него были проблемы со сном, что приводило к постоянным тёмным кругам вокруг глаз и болезненному виду.

Конечно, Янь Вэй уже не такой. У него здоровый цвет лица и он полон жизненных сил.

Чжоу Цяоцяо получила одобрение Мао Цзинхуа, и Янь Вэй стал несколько мягче по отношению к Мао Цзинхуа, сказав: “Не волнуйся, мы с Цяоцяо будем счастливы вместе”.

Мао Цзинхуа, конечно, уже знала, каким был её сын. Как она могла не знать?

Кстати говоря, отказ Янь Вэя от еды на самом деле был психологическим состоянием, которое развилось позже. После похищения в детстве он больше никогда не хотел есть или спать, когда вернулся.

Она и Янь Ифэй чувствовали себя виноватыми и убитыми горем из-за похищения Янь Вэя. Эти два года были действительно тяжёлыми для Янь Вэя. Но Янь Вэй день ото дня становился всё раздражительнее, и чувство вины Мао Цзинхуа и Янь Ифэя в конце концов исчезло, превратившись в безразличие.

Им начал не нравиться Янь Вэй. Зачем плакать? Зачем закатывать истерики? Разве он сейчас не вернулся?

Сколько лет прошло? И всё же у него по-прежнему вытянутое лицо каждый день. Может быть, они, как родители, умоляли преступников похитить его?

Отношения между родителями и ребёнком начали портиться. Если Янь Вэй не ел, Мао Цзинхуа

била его. Дети, когда их бьют, начинают бояться.

К сожалению, Янь Вэй был крепким орешком. Сколько бы вы его ни били, он так и не произнёс ни слова.

Они били его и ругали, но он не ел и не спал, и они ничего не могли с этим поделать.

Единственным исключением было то, что после возвращения Янь Вэй начал заниматься боевыми искусствами. Он сосредоточился на боевых искусствах, не интересуясь учёбой. Мао Цзинхуа знала, что это была реакция на пережитую им травму. По словам психолога, занятия боевыми искусствами были его способом защитить себя и обрести чувство безопасности.

Поэтому Мао Цзинхуа позволила ему заниматься этим и даже наняла для него отличного инструктора по боевым искусствам.

Янь Вэй обладал хорошим умом, гибким телом и гораздо большей силой воли, чем ожидала Мао Цзинхуа.

Янь Вэй не ел, но в течение этого времени он заставлял себя есть два раза в день ради тренировок по боевым искусствам. Именно этот опыт насильственного поедания развил в нём способность питаться для выживания в будущем.

Однако по мере того, как Янь Вэй становился старше, его аппетит уменьшался. Мао Цзинхуа проконсультировалась с доктором Чжао, и нашла его объяснение довольно нелепым. Доктор Чжао сказал, что он видел мир смертных насквозь, или, скорее, он видел жизнь и смерть.

С момента его первого обморока Мао Цзинхуа поняла, что его состояние ухудшается. Семье Янь пришлось сделать выбор. Yuyao нужен был здоровый наследник.

Янь Вэй был брошен, не в том смысле, что семья Янь не хотела его, он был брошен, как наследник. 0,5% акций было достаточно, чтобы поддерживать его до самой смерти.

Сегодня, когда Янь Вэй ел, было очевидно, что он наслаждался процессом приёма пищи. Вот почему Мао Цзинхуа не смогла сдержаться и ушла в свою комнату, чтобы поплакать, вспоминая конфликты между Янь Вэем и семьей, вызванные этой болезнью. На сердце у неё было неуютно.

Однако иногда, когда сталкиваешься с интересами, приходится делать выбор. Несмотря на то, что они знали, что исключение его с собрания акционеров и отправка его за границу в тот день причинили бы боль его сердцу, даже несмотря на то, что они знали много-много вещей… Мао Цзинхуа и Янь Ифэй уже достигли своего предела после более чем 20 лет душевных мучений, поэтому они решили сдаться и дистанцироваться.

Янь Вэй провёл эти годы, выживая в одиночку. Он всё понимал сам. Но как мать, Мао Цзинхуа вообще не испытывала никаких чувств. Она чувствовала, что сделала всё возможное и сделала всё, что могла.

Теперь, видя, что он может найти кого-то, кто позволяет ему наслаждаться едой, Мао Цзинхуа, естественно, тоже была счастлива.

Она отправила сообщение Янь Вэю, прячась в своей комнате, спрашивая, чувствует ли он себя лучше.

Ответ Янь Вэя был таким: Чжоу Цяоцяо - это лекарство.

Мао Цзинхуа разрыдалась. На самом деле, если бы она и Янь Ифэй упорствовали в течение этих двух лет, возможно, Янь Вэя удалось бы вылечить!

Возвращаясь к настоящему, видя, что уже поздний вечер, Мао Цзинхуа подумала о том, как редко Янь Вэй возвращался и как временно налаживались семейные отношения.

Мао Цзинхуа улыбнулась и спросила Янь Вэя: “Ты останешься сегодня на ночь дома?”

Янь Вэй взглянул на лестницу и мягко покачал головой, говоря: “Не нужно. Мы с Цяоцяо вернёмся в наш собственный дом”.

Мао Цзинхуа спросила его: “Где твой дом? Позволь маме купить тебе один!”

Когда Шань Линтонг потеряла своего ребёнка, Янь Ифэй в порыве гнева выгнал Янь Вэя из дома и заморозил все активы, которые дала ему семья Янь. Теперь, их дом с Цяоцяо? Это должен быть собственный дом Цяоцяо, верно?

Янь Вэй покачал головой и сказал: “Не нужно. Дом, в котором мы сейчас живем, просто прекрасен”.

Чжоу Цяоцяо почувствовала, как её сердце обливается кровью. Дом, дом, дом... он исчез просто так?

Когда все собрались уходить, Шан Цивэнь внезапно подошла к Янь Вэю и сказала: “Старший брат, я хочу тебе кое-что объяснить. На самом деле, информация, которую я передала журналистам, предназначалась не для тебя а для Янь Е”.

Янь Вэй слегка нахмурился, и Шан Цивэнь продолжила: “Я не хотела делать с тобой такие вещи, но я не ожидала, что пользователи сети так отреагируют. Я надеюсь, ты не поймёшь меня неправильно, я ...”

Янь Вэй встал, глядя сверху вниз на Шан Цивэнь. Янь Е подумал, что его старший брат собирается сделать ход, поэтому он быстро встал, чтобы разрядить напряжение. Но Янь Вэй сказал: “Шан Цивэнь, ты помнишь предупреждение, которое я дал тебе по телефону?”

Как могла Шан Цивэнь забыть? Эти слова были для неё в высшей степени унизительными, и она отчетливо их помнила.

Янь Вэй слегка усмехнулся: “Меня не волнует, чем ты хочешь заниматься в семье Янь. С тех пор как я покинул Yuyao, я никогда не собирался возвращаться. Если Янь Е способен удержать Yuyao, это его способность. Если он неспособен, это его собственная вина. Делай всё, что хочешь, если он может это терпеть. Но не веди себя самонадеянно в моём присутствии, иначе я не буду счастлив”.

“Старший брат”, - тихо позвал Янь Е Янь Вэя. Он чувствовал, что Янь Вэй зашёл слишком далеко; в конце концов, они были семьей.

Янь Вэй тихо рассмеялся и проигнорировал Янь Е. Вместо этого он сказал Шан Цивэнь: “У тебя есть некоторая способность уговорить Янь Е вернуться. Но если ты продолжишь так вести себя передо мной”. Янь Вэй оглядел её с головы до ног и сказал: “Я позабочусь о том, чтобы ты никогда не смогла стать второй молодой госпожой семьи Янь”.

Хотя Шан Цивэнь думала, что Янь Вэй просто сыплет пустыми угрозами, она почувствовала холод в своём сердце из-за его взгляда и тона. Даже если у этого человека ничего не было, он всё равно излучал ауру короля, заставляя людей бессознательно прислушиваться к нему.

Шан Цивэнь забыла о своем умении проливать крокодиловы слезы и могла только наблюдать, как Янь Вэй сделал шаг назад и сел на диван.

Янь Вэй обвёл всех взглядом и сказал: “Сегодня мы с Цяоцяо вернёмся первыми. Если что-нибудь понадобится, просто отправьте сообщение”.

Мао Цзинхуа взглянула на Шан Цивэнь и встала, чтобы проводить Чжоу Цяоцяо и Янь Вэя. Когда они подошли к двери, Мао Цзинхуа на мгновение заколебалась, прежде чем обратиться к Янь Вэю: “Сяо Вэй, приходи почаще в будущем. То, что произошло с акциями, было нашим с твоим отцом импульсивным порывом. Это была наша ошибка, и я приношу тебе извинения. Через несколько дней я переведу тебе несколько акций в качестве компенсации”.

“Не нужно”, - отказался Янь Вэй, и лицо Мао Цзинхуа мгновенно вытянулось.

Чжоу Цяоцяо потянула Янь Вэя за руку, и тот, вздохнув, сказал Мао Цзинхуа: “Папа уже рассказал тебе о моем возвращении в день рождения Янь Е. Если бы я не хотел уйти, никто не смог бы меня прогнать. Я отпустил, поэтому не буду просить ничего взамен. То, что я сказал Шан Цивэнь ранее, было серьёзным. Я никогда не собирался возвращаться в Yuyao. Я принял акции, потому что чувствовал, что всё еще был частью семьи Янь. Поскольку Yuyao раздала акции всем членам семьи Янь, я принял их”.

Услышав это, Мао Цзинхуа почувствовала себя еще более расстроенной и спросила его: “Ты больше не считаешь себя частью семьи Янь?”

Янь Вэй покачал головой и сказал: “Дело не в этом. Как член семьи Янь, я имею право на эти акции. Следовательно, я имею право распоряжаться ими по своему усмотрению. Итак, я отдал часть в качестве компенсации Шань Линтонг. Остальное, если ты хочешь, чтобы я отдал их Янь Е, я отдам. Это мой добровольный выбор. То, что ты даёшь мне, принадлежит тебе, и мне это не нужно”.

Мао Цзинхуа тайком вытерла слёзы, в то время как Чжоу Цяоцяо смотрела на это с глубоким волнением. Всё ещё был кто-то, кто был готов отдать деньги.

Мао Цзинхуа взглянула на Чжоу Цяоцяо и быстро сказала: “Теперь, когда у тебя тоже есть жена и тебе нужно содержать свою семью …”

“Цяоцяо - моя ответственность, не твоя. Я позабочусь о ней, так что тебе не нужно беспокоиться. Если я не могу содержать даже собственную жену …”

“В таком случае, можем ли мы вернуться и унаследовать некоторые акции?” - Чжоу Цяоцяо повернулась к Янь Вэю и спросила.

Янь Вэй был ошеломлён словами Чжоу Цяоцяо. Внезапно стойкость, которую он сохранял, исчезла, и он усмехнулся, сказав: “Хм, если у нас с Цяоцяо дела пойдут не очень хорошо, я вернусь и попрошу у тебя немного акций”.

Услышав это, Мао Цзинхуа почувствовала некоторое облегчение. Она взяла Чжоу Цяоцяо за руку и сказала: “В будущем тебе следует почаще приезжать домой, навещать и оставаться”.

Чжоу Цяоцяо кивнула и сказала: “Да, я так и сделаю”.

Мао Цзинхуа стояла в дверях, наблюдая, как Мао Лян увозит Янь Вэя, и внезапно она замерла...

Содержание Майбаха обходится недёшево! У Янь Вэя сейчас нет никакого дохода, так как же он содержит Майбах?

Поскольку Янь Е отдал "Майбах" Янь Вэю, это было вне контроля Янь Ифэя. Янь Вэй всё это время пользовался "Майбахом".

При этой мысли Мао Цзинхуа снова замерла. Если содержание "Майбаха" обходится дорого, зарплата Мао Ляна тоже недешёвая. Это более 18 000 долларов в месяц, или, по крайней мере, о такой зарплате Мао Цзинхуа узнала несколько лет назад. Мао Лян всё ещё работает водителем Янь Вэя?

Когда у Мао Цзинхуа возникли эти мысли, она почувствовала сильное замешательство.

А? А? А??

Что именно... происходит???

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

http://tl.rulate.ru/book/96300/3314774